

О терминах *kilinče* и *nisvanis* в монгольском и ойратском переводах «Царя благих пожеланий»

Mongolian and Oirat Translations of *The King of Aspiration Prayers*: the Buddhist Terms *Kilinče* and *Nisvanis* Revisited

С. В. Мурзаева (S. Mirzaeva)¹

¹ младший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kundgabo@list.ru

Junior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются буддийские термины *kilinče* и *nisvanis* на материале монгольского и ойратского переводов сочинения «Царь благих пожеланий», одного из популярных буддийских текстов девиционального жанра. Автор описывает историю возникновения и формирования данных терминов в монгольском классическом и ойратском литературном языках.

Ключевые слова: переводная буддийская литература, «Царь благих пожеланий», Тибет, монгольский письменный язык, «ясное письмо», буддийская терминология.

Abstract. Proceeding from the analysis of Mongolian and Oirat translations of *The King of Aspiration Prayers* (a popular Buddhist text of the devotional genre), the article examines the two Buddhist terms — *kilinče* and *nisvanis* and describes the history of the emergence and formation of these terms in Classical Mongolian and literary Oirat.

Keywords: translated Buddhist literature, *The King of Aspiration Prayers*, Tibet, Classical Mongolian, Clear Script, Buddhist terms.

Изучение буддийской терминологии в монгольских языках представляет большой интерес, поскольку в ее формировании нашли отражение различные письменные традиции, оказывавшие влияние на культуру монгольских народов. Вместе с письменностью монголы позаимствовали у уйгуров, наиболее ранние переводные памятники которых относятся к VI–VII вв. [Бартаханова 1999: 15], сложившуюся буддийскую терминологию. Многие ученые (Б. Я. Владимирцов [2005], Ю. Н. Рерих [2017], М. Шогайто [Shogaito 1991]) пишут о заимствованиях из санскрита, согдийского и тохарского языков, которые попали в монгольский посредством уйгурского. Когда

среди монгольских народов стал укреплять свои позиции тибетский буддизм и в XVII–XVIII вв. развернулась деятельность по переводу с тибетского канонических сборников Кагьюра и Тенгьюра¹, как пишет Б. Я. Владимирцов, «у них появились буддийские термины, заимствованные из этого нового источника (тибетского языка. — С. М.), иногда даже параллельные старым, уйгурского происхождения» [Владимирцов 2005: 39–40].

В данной статье мы попытаемся описать использование буддийских терминов *kilinče* ‘неблагое деяние, проступок’ и *nisvanis* ‘аффект, омрачение’ в письменных памятниках монгольского и ойратского письма на материале переводов сутры «Царь благих пожеланий». Мы рассматриваем данные термины, поскольку имеем целью желание опровергнуть встречающееся в монголоведной литературе суждение о том, что монг., ойр. *kilinče* происходит от санскр. *kleśa* [Сүхбаатар 1997: 197], устойчивым переводом которого в монгольских языках является слово согдийского происхождения *nisvanis*.

«Царь благих пожеланий» (санскр. *Ārya bhadrā caryā praṇidhāna rāja*; тиб. *'Phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*; монг. *Qutuy-tu sayin yabudal-un irüger-ün qayan*; ойр. *Xutuqtu sayin yabudaliyin iröliyin xān*, букв. ‘Благородный царь устремлений о благом пути’) — сочинение жанра *пранидхан*, или устремлений, который очень популярен в литературе махаянского буддизма. Как правило, *пранидханы* — это написанные с использованием разных стихотворных размеров поэтические произведения, восхваляющие в качестве наивысшего образ действий определенного бодхисаттвы. Данный текст, посвященный бодхисаттве Самантабхадры, был очень популярен в Китае, Тибете, Хотане, Монголии и других странах, в которых развивалось учение Махаяны. Создание санскритской оригинальной версии ученые относят к IV–V в. н. э., однако в тибетском Тенгьюре сохранился комментарий Нагарджуны (II–III вв. н. э.) на данный текст, что позволяет предположить, что он был составлен не позже III вв. н. э. В тибетской и монгольской литературе «Царь благих пожеланий» встречается как самостоятельный текст, а также как заключительная часть «Гандавьяоха-сутры» в разделе сутр

¹ Монголизированное произношение — Ганджур и Данджур.

«Махавайпулья-Будда-аватамсака-сутра» (санскр. *Mahavaipulya-buddhāvatamsaka-sutra*; тиб. *Sangs rgyas phal po che'i mdo*; монг. *Olangki burqan neretü yeke delgerenggüi sudur*).

«Царь благих пожеланий» был переведен на тибетский язык в числе первых буддийских текстов в VIII–IX в. н. э. известными переводчиками Джинамитрой, Сурендрабодхи и Еше Де и отредактирован Вайрочаной (тиб. *Rgya gar gi mkhan po Dzi na Mi tra dang / Sure ndra Bo dhi dang / lo tsā ba bande Ye shes sde la sogs pas bsgyur cing lo chen Bai ro tsā nas zhus chen mdzad do*), как указано в колофоне одной из тибетских версий памятника. Пандиты Джинамитра, Сурендрабодхи и Еше Де работали над переводом священных текстов с санскрита на тибетский язык в период правления царя Трисонг Дэцэна (тиб. *Khri srong lde btsan*) (755–797), однако в некоторых источниках их деятельность относят ко времени правления царя Тицугдэцэн Ралпачена (тиб. *Khri gtsug lde btsan ral pa can*) (815–841).

Первые монгольские переводы «Царя благих пожеланий», ксилографические фрагменты которых сохранились в Турфанской коллекции под № 5, 33 [Tumurtogoo 2006], датируются XIV в. Факт его издания ксилографическим способом в период Юаньской империи свидетельствует о его важности как канонического текста в ранний период распространения буддизма среди монголов.

Для анализа нами привлекаются монгольский текст «*Qutuqtu sayin yabudal-un irüger-ün qaγan*» из факсимильного издания ксилографического Ганджура и ойратский перевод «*Xutuqtu sayin yabudaliyin iröliyin xān ogošiboi*». Изучение монгольского текста позволяет сделать предварительные выводы о том, что в нем представлен язык рубежа XVI–XVII вв., поскольку в нем нашли отражение некоторые изложенные в лексикографическом словаре «Источник мудрецов» (XVIII в.) принципы перевода с тибетского на монгольский, вероятно, формировавшиеся в данный период, но в то же время сохранились многочисленные заимствования из уйгурского, которые, согласно «Источнику мудрецов», стоило заменять санскритскими оригиналами или кальками с тибетского. В ойратском же тексте представлен классический монгольский язык XVIII в., в котором отчетливо прослеживается влияние тибетского языка и наблюдается меньшее количество уйгуризмов.

Вначале рассмотрим термин *kilinče* ‘неблагое деяние’ (санскр. *pāpa*; тиб. *sdig pa*; монг. *nigül kilinče*; ойр. *kilinče*). В терминологическом словаре А. Берзина дается следующее толкование данного термина: «The type of karmic force associated with a destructive action and which ripens intermittently into unhappiness and the suffering of problems and pain. Also called: „negative karmic potential“. Some translators render it as „sin“» (букв. ‘Связанная с разрушительными действиями разновидность кармических сил, результатом которой является несчастливое состояние ума и страдания из-за различных проблем и боли. Также называется „негативным кармическим потенциалом“. Некоторые переводчики используют термин „грех“») [Glossary of Buddhist terms 2017].

Данный термин действительно является заимствованием, но не из санскрита, как пишет О. Сухбаатар (ХИЛИНЦ уй. *qilinč*, (*qilinč–qilinča–qilinč* < сам. *kleśa*), мо. б. *kilinče*; Гэм, нүгэл, буруу муу үйл (букв. ‘неблагой, неправильный поступок, грех’); хорш. нүгэл хилэнц ‘грех’ [Сүхбаатар 1997: 197]), а из уйгурского. Б. Я. Владимирцов пишет о том, что монг. *kilinče* происходит от уйг. *qilinč* ‘деяние’ (у С. Е. Малова — написание *qylynč* [Малов 1951: 416]). В «Древнетюркском словаре» даются следующие значения: «*qilinč* 1. действие, дело; 2. поступок, деяние; 3. характер, нрав, манеры; 4. причуды, прихоти; 5. *пел.* действие, акт (санскр. *karman*), содеянное, поступки (санскр. *samskāra*); 6. *пел.* бытие, жизнь (санскр. *bhava*)» [ДТС 1969: 443]. Как мы видим из словарной статьи, у слова *qilinč* нет отрицательной коннотации неблагого деяния, что подтверждают и данные глоссария С. Е. Малова. В словарных статьях к словам *qylynč*, *qylynčly* приводятся примеры: *ajy* *qylynč* ‘дурные поступки’, *ädgü qylynčly kimi* ‘ладья с добрыми делами’ [Малов 1951: 416]. Японский исследователь К. Кудара в своей статье приводит в качестве образца традиции поэтического перевода в уйгурской буддийской литературе фрагмент версифицированного перевода вышеупомянутой «Аватамсака-сутры», который, по всей вероятности, представляет собой уйгурский перевод рассматриваемого текста «Царя благих пожеланий». В этом фрагменте встречается выражение *alqu qilinč*, которое автор переводит как *all karma* ‘все деяния’ [Kudara 2002: 192].

То, что уйгурское слово *qilinč* не является заимствованной искаженной формой санскритского *kleśa*, а принадлежит к базовой лексике уйгурского языка, также подтверждают данные «Древнетюркского словаря» и глоссария С. Е. Малова: корень *qil-* ‘1. делать, изготавливать, создавать, сооружать; 2. делать, действовать, поступать каким-либо образом; 3. делать каким-либо, превращать в кого-либо, что-либо’ является достаточно продуктивным, от которого образуются различные глагольные (*qilil-* ‘страд. от *qil-*’, *qilin-* ‘возвр. от *qil-*’, *qiliš-* ‘совм. от *qil-*’, *qiltur-* (*qildur-*) ‘страд. от *qil-*’) и именные формы (*qiliy* (*qiliq*) ‘нрав, характер, поступок, поведение’, *qilq* ‘поведение, манеры, характер, поступок’, *qilinč* ‘действие, дело’, *qiliqliy* ‘обладающий каким-либо поведением, характером’, *qilmaq* ‘исполнение, производство, совершение, действие’) [ДТС 1969: 442–444].

В доклассическом монгольском языке, как и в уйгурском, у термина *qilinč* также не было значения ‘неблагое деяние’, чему можно найти подтверждение в памятниках монгольского письма XIV–XVI вв. Например, в комментарии Чойджи-Одсэра к «Бодхичарья-аватаре» встречается фраза *jayaγan-u qilinč-un küčün-iyer* ‘в силу совершенных деяний (кармы)’ [Tumurtogoo 2006: 55], в которой слово *qilinč* имеет значение ‘деяние’, как и в уйгурском поэтическом переводе «Аватамсака-сутры», приведенном в статье К. Кудара [2002]. Отдельно стоит упомянуть о произошедшем в классическом монгольском языке переходе *qi* → *ki*, о котором пишет Б. Я. Владимирцов: «В других случаях можно наблюдать процесс постепенного изменения иноязычного слова путем приспособления его к фонетической системе воспринявшей монгольской среды. При этом можно наблюдать, как по графическим основаниям слово из ряда гуттурального переходит в ряд палатальный. Напр. уйг. *qilinč* ‘деяние’ > стар. монг.-письм.¹ *qilinč* > нов. монг.-письм. *kilinča*; затем *kilinča* стали читать как *kilinče*, ойр.-письм. *kilinče*, халх. *хилинц* ‘грех, греховное деяние’. В данном случае после того, как стали писать *k* вместо *χ* < *q* перед *i* < *ĩ*, все слово перешло в сознании монголов в передний ряд, тем более, что этимологическая связь его с таким, например, словом, как *kilbar* || халх. *хялбар* ‘легкий, дешевый’ была утрачена и не могла поддержать принадлежности к гуттуральному ряду» [Владимирцов 2005: 541–542].

¹ В используемой нами терминологии доклассический монгольский.

В рассматриваемом в данной статье монгольском переводе «Царя благих пожеланий» составление мы относим к рубежу XVI–XVII вв., встречается парное слово *nigül kilinče*, в котором первый компонент *nigül* имеет значение ‘проступок’, а *kilinče*, как мы считаем, обладает нейтральным значением ‘деяние, действие’. В ойратском же переводе парному слову соответствует *kilinče*:

Тибетский	Монгольский	Ойратский
<i>sdig pa bdag gis bgvis</i> <i>pa ci mchis pa</i>	<i>ab ali minü üyiledügsen</i> <i>nigül kilinče</i> :	<i>mini ali üyiledügsen</i> <i>kilinče</i> :
<i>sdig pa gang rnam</i> <i>sgrib par gyur pa</i> <i>dag</i>	<i>ali tedeger nigül</i> <i>kilinče</i> <i>tüйдүгчи</i> <i>boluysan</i> :	<i>aliba tüйдүкер</i> <i>boluqsan kilinče</i> :
<i>mtshams med lnga</i> <i>bo dag gi sdig pa</i> <i>rnam</i>	<i>tabun jabsar ügei nigül</i> <i>kilinče-nügüd-i</i> :	<i>tabun zabsar ügei</i> <i>kilinče-noyoudi</i> :

В вышеупомянутом комментарии Чойджи-Одсэра XIV в. встречается фраза *nigül arilyaqu* ‘очиститься от [совершенных] проступков’ [Tumurtogoo 2006: 53–54]. Таким образом, можно предположить, что в доклассическом монгольском в значении ‘проступок’ использовались термины *nigül* и позже *nigül kilinče*. Использование парного слова, вероятно, явилось переходным этапом в истории формирования данного термина в монгольских языках, поскольку, как видно из приведенных примеров, в доклассическом монгольском компонент *kilinče* имел нейтральное значение, а уже потом в классическом монгольском и ойратском языках за ним закрепилась отрицательная коннотация: слова *nigül* и *kilinče* стали синонимичными и могли заменять друг друга. Н. С. Яхонтова, рассматривая лексику ойратского литературного языка, пишет о том, что в некоторых случаях одно и то же понятие в монгольских и ойратских текстах обозначалось разными словами, например, ойр. *kilinče* во многих текстах соответствует монг. *nigül* [Яхонтова 1996: 33]. Таким образом, в классическом монгольском языке и «ясном письме» термин *kilinče* приобрел значение ‘неблагое деяние, проступок’. В словаре О. Ковалевского слово *kilinče* зафиксировано в значении

‘грех, прегрешение, проступок’ [МРФС 1846: 2529]. В современных монгольском и калмыцком языках слово *хилэнц / килнц* также имеет значение ‘грех, греховное деяние, прегрешение’ [БАРМС 2002: 78; КРС 1977: 300].

Далее рассмотрим термин *nisvanis* ‘клеша, омрачение’ (санскр. *kleśa*; тиб. *nyon mongs*; монг., ойр. *nisvanis*). А. Берзин приводит следующее толкование: «A subsidiary awareness (mental factor) that, when it arises, causes oneself to lose peace of mind and incapacitates oneself so that one loses self-control. An indication that one is experiencing a disturbing emotion or attitude is that it makes oneself and / or others feel uncomfortable. Some translators render this term as „afflictive emotions“ or „emotional afflictions“» (букв. ‘Дополнительный вид осознания (ментальный фактор), который, возникнув, приводит человека к потере душевного спокойствия и самообладания. Знаком того, что человек испытывает тревожащие эмоции, является чувство дискомфорта, испытываемое им самим или окружающими людьми. Некоторые переводчики переводят этот термин как „тревожащие эмоции“ или „эмоциональные омрачения“») [Glossary of Buddhist Terms 2017].

Исследователи согласны в том, что слово *nisvanis* является заимствованием из согдийского языка, попавшим в монгольский посредством уйгурского. О значительной роли согдийского языка в формировании буддийской терминологии в монгольском языке пишет Б. Я. Владимирцов в статье «Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии» [Владимирцов 2005: 105–137]. В рассматриваемых текстах встречаются следующие примеры с термином *nisvanis*:

Тибетский	Монгольский	Ойратский
<i>las dang nyon mongs</i> <i>bdud kyi las rnam</i> <i>las</i>	<i>ḡayayan-u nisvanis kiged</i> <i>ṡimnu-yin üiles-</i> <i>nügüd-eče :</i>	<i>zayān nisvanis</i> <i>kigēd ṡimnuṡi-</i> <i>yin üyile-</i> <i>noḡoud-ēče :</i>
<i>nyon mongs stobs</i> <i>rnam kun tu 'joms</i> <i>par byed</i>	<i>nisvanis-un küčün-</i> <i>nügüd-i уууата</i> <i>darуад :</i>	<i>nisvāniṡiyin</i> <i>küčün-noḡoudi</i> <i>bükündü darun :</i>

В «Согдийско-персидско-английском словаре» приводятся следующие лексемы, от которых могли произойти монг., ойр. *nisvanis*: *nyzβ'ny(y)* 'passion', *nyzβ'n'k* 'passion, anger' [Sogdian dictionary 1995: 255]. Согдийская лексема является дословным переводом санскритского *kleśa* 'defilement, affliction, troublesomeness' (букв. 'омрачение, скверна, беспокойство'). Уйгурские формы *nizvani* / *nizbani* 'страсть, сильное чувство', как указывается в «Древнетюркском словаре», являются заимствованиями из согдийского [ДТС 1969: 359]. О. Сухбаатар пишет в «Словаре монгольских заимствованных слов», что монг. *нисванис* (*нисваанис*) 'хорт муу явдал, гаслан зовлонгийн уг шалтгаан, орчлонгийн үйл үрийн хүлээс' (букв. 'оскверненное, основная причина страдания, оковы причинно-следственной связи') является заимствованием из согдийского, но согдийскую форму он возводит к санскритским *nisañja–nisvana–nisvāna* [Сүхбаатар 1997: 147–148]. О. Ковалевский также указывает в качестве возможных санскритских оригиналов монгольского *nisvanis* слова *klecha* ('pain, affliction, distress' (букв. 'боль, омрачение, беспокойство')) и *nisvana / nisvāna* ('sound, silence' (букв. 'звук, тишина')) и дает следующие значения: '1. привязанность к миру, суета мирская, беспокойствие, тревога; 2. природное зло, порок, страсти, грех' [МРФС 1849: 653]. Мы считаем, что согдийская лексема *nyzβ'ny* не является заимствованием из санскрита, поскольку указанные О. Сухбаатаром и О. Ковалевским санскритские формы имеют другие значения. «Санскритско-английский словарь» Моньер-Вильямса дает следующие значения слова *nisvana*: '1. noise ('шум'); 2. voice ('голос'); 3. sound ('звук')' [Sanskrit online dictionary]; лексемы *nisañja* и *nisvāna* в словаре не найдены. В современном монгольском языке данный термин имеет следующие значения: «НИСВААНИС (НЯСВААНЯС) 'шагин. 1) привязанность к миру, мирская суета, страсти, беспокойство; 2) порок, грех'» [БАМРС 2001: 445].

В статье мы попытались описать функционирование двух буддийских терминов *kilinče* 'неблагой поступок' и *nisvanis* 'клеша, омрачение, аффект' в монгольском и ойратском языках. В классической буддийской философии они тесно связаны: именно три основные клеши (*nisvanis*) — алчность, ненависть и неведение — являются причиной совершения неблагих поступков (*kilinče*) [Категории

буддийской культуры 2000: 142]. Однако данные словарной статьи к слову *нисваанис* в «Большом академическом монгольско-русском словаре» показывают, что в обыденном восприятии значения этих двух терминов зачастую смешиваются: в качестве второго значения *нисваанис* указано ‘порок, грех’ [БАМРС 2001: 445], являющееся основным значением термина *хилэнц*. Семантическая близость данных терминов, вероятно, дала повод некоторым исследователям считать, что монг., ойр. *kilinče* представляет собой искаженную форму санскритского *kleśa*, однако в данной статье мы постарались показать, что слово *kilinče*, приобретшее отрицательную коннотацию неблагого деяния лишь в классическом монгольском языке, является заимствованием из уйгурского языка.

Источники

Bstod smon phyogs bsgrigs. Mtsho sngon: Mi rigs dpe skrun khang, 1959. 355 p.

Sayin yabudaliyin iröüliyin xān. Фотокопия ойратской рукописи из коллекции Г. Ядамжава (сомон Манхан, Кобдоский аймак, Монголия).

Qutuytu sayin yabudal-un irüger-ün qayan // Nomuyadqaqu-yin sitügen. Śata-piṭaka series. Indo-Asian literatures. 1979. Vol. 208. P. 499–508.

Sources

Bstod smon phyogs bsgrigs. Mtsho sngon: Mi rigs dpe skrun khang, 1959. 355 p. (In Tib.)

Sayin yabudaliyin iröüliyin xān. Photocopy of an Oirat manuscript from the collection of G. Yadamzhav. (Mankhan somon, Khovd aimag, Mongolia). (In Oir.)

Holy King of Prayers of Good Conduct. In: Nomuyadqaqu-yin sitügen. Śata-piṭaka series. Indo-Asian literatures. 1979. Vol. 208. Pp. 499–508. (In Mong.)

Литература

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

Бартаханова М. А. Переводческая деятельность уйгуров в XII–XV вв. // Шестая буддологическая конференция: тезисы / сост. С. Э. Коротков, Е. А. Торчинов. СПб., 1999. С. 15–18.

- Владимирцов Б. Я. Работы по монгольскому языкознанию. М.: Вост. лит., 2005. 952 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Категории буддийской культуры / сост.-ред. Е. П. Островская. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 320 с.
- КРС — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 769 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности (тексты и исследования). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- МРФС 1846 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 2. Казань: Универ. тип., 1846. 595–1545 с.
- МРФС 1849 — Монгольско-русско-французский словарь / сост. О. Ковалевский. Т. 3. Казань: Универ. тип., 1849. 1546–2690 с.
- Рерих Ю. Н. Тибетские заимствованные слова в монгольском языке [электронный ресурс] // URL: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (дата обращения: 15.08.2017).
- Сүхбаатар О. Монгол хэлний харь үгийн толь / ред. Д. Төмөртоого, Л. Хүрэлбаатар, Б. Амаржаргал. Улаанбаатар: Адмон хэвлэл, 1997. 233 х.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Glossary of Buddhist terms [электронный ресурс] // URL: <https://glossary.studybuddhism.com/> (дата обращения: 15.11.2017).
- Kudara Kogi. The Buddhist culture of the Old Uigur peoples // Pacific World 3rd series 4. P. 183–195.
- Sanskrit online dictionary [электронный ресурс] // URL: <http://spokensanskrit.org/index.php?direct=au&mode=9> (дата обращения: 15.11.2017).
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts // The Memoirs of the Toyo Bunko. 1991. No. 49. P. 27–49.
- Sogdian Dictionary (Sogdian – Persian – English) / by B. Gharib. Tehran: Farhang Publ., 1995. 644 p.
- Tumurtogoo D. Mongolian monuments in Uighur-Mongolian script (XIII–XVI centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006. xiv, 722 p.

References

- Bartakhanova M. A. Interpreting Activity of Uigurs in 12th–15th Centuries. In: Sixth Buddhological Conference: Abstracts. S. E. Korotkov, E. A. Torchinov (comp.). St. Petersburg, 1999. Pp. 15–18. (In Russ.)
- Categories of Buddhist Culture. E. P. Ostrovskaya (comp., ed.). St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2000. 320 p. (In Russ.)
- Glossary of Buddhist terms. An Internet resource: <https://glossary.studybuddhism.com/> (accessed: 15 November 2017). (In Eng.)
- Kalmyk–Russian Dictionary. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy yazyk, 1977. 769 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kudara Kogi. The Buddhist culture of the Old Uigur peoples. In: Pacific World 3rd series 4. Pp. 183–195. (In Eng.)
- Large Academic Mongolian–Russian Dictionary. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Vol. 2. D–O. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Large Academic Mongolian–Russian Dictionary. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Vol. 4. X–Y. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Malov S. E. Monuments of Ancient Turkic Script (Texts and Studies). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1951. 451 p. (In Russ.)
- Mongolian–Russian–French Dictionary. O. Kovalevsky (comp.). Vol. 2. Kazan: University print.shop, 1846. 595–1545 pp. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Mongolian–Russian–French Dictionary. O. Kovalevsky (comp.). Vol. 3. Kazan: University print. shop, 1849. 1546–2690 pp. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Old Turkic Dictionary. V. V. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tенишев, A. M. Shcherbak (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Uig.)
- Roerich Yu. N. Tibetan Borrowed words in the Mongolian Language. Available at: <http://altaica.ru/Articles/roerich.htm> (accessed: 15 August 2017). (In Russ.)
- Sanskrit online dictionary. Available at: <http://spokensanskrit.org/index.php?direct=au&mode=9> (accessed: 15 November 2017). (In Sanskrit)
- Shogaito M. On Uighur elements in Buddhist Mongolian texts. In: The Memoirs of the Toyo Bunko. 1991. No. 49. Pp. 27–49. (In Eng.)
- Sogdian Dictionary (Sogdian–Persian–English). B. Gharib (comp.). Tehran: Farhang Publ., 1995. 644 p. (In Sogd., Pers. and Eng.)
- Sukhbaatar O. The Dictionary of Foreign Words in the Mongolian Language. D. Төмөртоого, Л. Хурелбаатар, Б. Амаржаргал (ed.). Ulaanbaatar: Admon Publ. House, 1997. 233 p. (In Mong.)
- Tumurtogoo D. Mongolian in Uighur-Mongolian script (13th–16th centuries). Introduction, transcription and bibliography. Taipei, Taiwan, 2006. xiv, 722 p. (In Eng.)
- Vladimirtsov B. Ya. Works on Mongolian Linguistics. Moscow: Vost. lit., 2005. 952 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. The Oirat Literary Language of the 17th Century. Moscow: Vost. lit., 1996. 152 p. (In Russ.)